

Дмитрий Ахшарумов

Оспопрививание как санитарная мера

Дмитрий Ахшарумов

**Оспопрививание
как санитарная мера**

«Public Domain»

1901

Ахшарумов Д. Д.

Оспопрививание как санитарная мера / Д. Д. Ахшарумов —
«Public Domain», 1901

«По случаю появляющихся в настоящее время в газетах статей об оспенной эпидемии и озабоченности о том санитарных учреждений, всякий, кто ближе знаком с этим предметом и критически к нему относится, должен, как сделал это почтенный профессор П. Ф. Лесгафт, прямо, не стесняясь общераспространенным повсюду взглядом, выразить свое личное мнение, словами или печатно, и предоставить его гласному обсуждению. Мое мнение об оспопрививании было уже однажды выражено печатно в 1884 году. С тех пор, по прошествии 17 лет, не переставая интересоваться этим предметом и следя за его литературой, я не только не изменил своего мнения, но еще более и окончательно утвердился в нем»

© Ахшарумов Д. Д., 1901

© Public Domain, 1901

Содержание

Предисловие	5
I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов

Оспопрививание как санитарная мера

Предисловие

По случаю появляющихся в настоящее время в газетах статей об оспенной эпидемии и озабоченности о том санитарных учреждений, всякий, кто ближе знаком с этим предметом и критически к нему относится, должен, как сделал это почтенный профессор П. Ф. Лесгафт, прямо, не стесняясь общераспространенным повсюду взглядом, выразить свое личное мнение, словами или печатно, и предоставить его гласному обсуждению. Мое мнение об оспопрививании было уже однажды выражено печатно в 1884 году. С тех пор, по прошествии 17 лет, не переставая интересоваться этим предметом и следя за его литературой, я не только не изменил своего мнения, но еще более и окончательно утвердился в нем.

Теперь, при вновь по-видимому возникающей эпидемии и поднятой в Петербурге тревоге, нарушающей спокойствие жителей (до того, что домовладельцы и хозяева квартир от приходящих к ним нанимателей чуть не требуют свидетельств о привитии вновь оспы), теперь, в такое время, я считаю моим нравственным долгом способствовать насколько могу к выяснению этого великого векового заблуждения.

I

Периодическое возрождение оспенных эпидемий, приблизительно через 5–9 лет, озабочивает в некоторых местностях жителей селений и городов и заставляет их, в неведении, искать защиты в предохранительной мере, всюду с начала XIX века признанной единственно спасительной. Такой период по-видимому настает теперь, и все население, не исключая и нашей образованной интеллигенции, из страха заболеть жестокой болезнью в городах толпится у порогов и в залах оспопрививателей-врачей, а в деревнях оно, побуждаемое полицией, протягивает свои руки невежественным, часто безграмотным крестьянам-оспенникам. Если однако же мы спросим себя, удержалась ли какая-нибудь санитарная мера или способ лечения, основанная на размышлениях, опытах и знаниях XVIII века, то мы должны будем ответить «нет», в особенности взгляды врачей на санитарное дело. Понятие о чистоте изменилось совершенно, появились совсем новые требования гораздо большего механического очищения, химические дезинфекции и асептика, о которых прежде не имели никакого понятия... Если в новейшее время и возникли предохранительные и целебные прививки (дифтерита, чумы и других болезней), против которых в медицинской литературе встречается еще немало возражений со стороны весьма известных ученых врачей, то их делают стерилизационно-выращенными бактериями, смягчая предварительно изученными способами их злокачественность. Как бы отнеслись к тому современные бактериологи или хирурги, если б кто-либо ныне стал делать прививки не чистейшими разводками, а прямо соком из каких-либо прыщей заразных болезней или из таковых искусственно выращенных на коже животного, как это теперь совершается при прививке оспы телячьей лимфой?! Многое, невиданное прежде, выяснилось в течение целого столетия.

Дженнеровская так называемая и по сию пору коровья оспа, оказалась существующей только в воображении; самородной коровьей оспы в природе нет и никогда не было. Ученые ветеринары, как я убедился много раз, личными их ответами на мой им об этом совсем необычный, заставивший их задуматься вопрос, отвечали все без исключения, что «таковой самородной коровьей оспы» они никогда не видели. Знаменитый берлинский профессор ветеринарных наук Боллингер признаёт, что самородная оспа бывает только на человеке и на овце (подобная первой, но не тождественная), оспенная же сыпь на вымени коров, в былое время больших оспенных эпидемии, он полагает, вызывалась случайно самим человеком, доильщицами и доильщиками-конюхами¹, не вполне выздоровевшими от перенесенной ими оспы².

Сыпь на вымени коров, столь казавшаяся обыкновенной в XVIII столетии, в наше время столь безуспешно, с возвещением премий у нас (земствами) и за границей (центральными оспенными учреждениями) разыскиваемая, вовсе не существует. Это разыскивание самородной коровьей оспы началось во 2-м десятилетии XIX столетия в различных государствах с целью освежения ею так называемой «материнской» оспы, ныне существующей через перепрививки с руки на руку и за целые десятилетия будто бы «выродившейся». По неуспешности этого премии были отменены и положено было вызывать оспенную сыпь на корове привитием ей человеческой оспы с руки и затем собирать для прививки. Это оказалось однако же очень неудобным маневрированием с большим животным, а также и потому, что привитие лимфы прыщей с коровы на теле человека вызывало очень сильную и опасную реакцию, потому это было оставлено, и коровы заменены четырехмесячными телятами, от которых можно было получать подобную человеческой оспенную лимфу (см. ниже)³. Затем и телячья лимфа как

¹ В XVII и XVIII столетиях коровы и лошади содержались в общих помещениях.

² Sammlung Klin. Vorträge v. R. Volkmann. # 115.

³ Dr. G. Cless «Impfung und Pocken» Württemberg Stuttgart 1871, стр. 30 и далее.

неудобная была забракована до 60-70-х годов, когда крайность заставила прибегнуть к ней. Так попытки оспопрививателей освежения ныне выродившейся оспы кончились ничем, и теперь никто более не говорит о ней. Сам Дженнер не считал ее у коров самостоятельной, но полагал, что она происходит от лошадиного мокреца (!). Он пользовался даже мокрецом лошади для привития коровам, а затем, по появлении сыпи на вымени коров, прививал ее детям – так пишет об этом мюнхенский профессор доктор А. Куссмауль, ревностный защитник оспопрививания⁴. Итак, самородной коровьей оспы нет, и ныне мнимо таковая, прививаемая с руки младенца или с теленка, есть ничем не измененная настоящая человеческая оспа – та самая, которая прививалась еще до Дженнера с 20-х годов XVIII столетия, почти целое столетие во всех странах, пока она не была наконец как вредная всюду изгнана и запрещена законом. Эта санитарная мера неизвестной по имени фессалийской старухи, просуществовавшая целое столетие, заслуживает упоминания для выяснения последующего.

Возникшая в самом начале XVIII века в Греции и оттуда перенесенная ею же в Константинополь, она быстро распространилась среди населения испуганного оспенными эпидемиями – населения, которое и в благополучное время, как мы знаем, готово всегда верить во всякого рода чудеса. Старуха, как бы вдохновленная видением Матери Божьей, возвещала верующим избавление от оспы и производила это особым обрядом: после поста и молитвы она наносила на теле здорового человека несколько царапин в виде креста и затем втирала в ранки гной оспенных прыщей. Народ прозвал ее богоугодной, все население стремилось к ней. Она призвала из Греции и своих помощниц, и вскоре народная молва насчитывала уже до 40 000 спасенных. В числе последних в Константинополе была жена английского посланника lady Montague и все ее семейство, и она в 1720-м году, возвратившись в Лондон, где была тогда оспенная эпидемия, распространила это чудесное избавление от оспы между высокопоставленными лицами. Мера эта однако возбудила противодействие со стороны многих врачей и вызвала опыт над семью преступниками, приговоренными к смерти. Опыт увенчался (говорят) успехом, т. е. привитие оспы совершилось благополучно – без вреда кому-либо! После этого описанный способ избавления от оспы получил еще большее распространение, и между привитыми была и принцесса Валлийская (впоследствии английская королева). Противодействие, однако, продолжалось со стороны врачей, даже пасторы проповедовали в церквях, что это дело от дьявола. Несмотря на это, однако, в 1738 году последовало правительственное одобрение этой предохранительной меры. По переходе в руки врачей иголка заменена была ланцетом и религиозный обряд назван был инокуляцией. После этого прививка натуральной оспы в Англии не нарушалась более ничем, и она просуществовала до 1840 года, в который она была запрещена законом как вредная и совершенно лишняя, ввиду вошедшего уже в употребление другого безопасного способа привития оспы (насколько это справедливо, мы увидим ниже). В Европе, на континенте, в Америке повторилось то же самое: прививались простой народ, высшие слои общества и вся знаменитость, стоявшая во главе просвещения. В Россию инокуляция проникла в середине XVIII столетия, но широкое распространение она получила только после благополучного привития оспы императрице Екатерине II и царевичу Павлу Петровичу в 1768 году.

Такова была санитарная мера начала XVIII столетия неизвестной по имени фессалийской старухи, не принявшей никакой награды за чудесное спасение в продолжение стольких десятилетий рода человеческого и затем без вести пропавшей. По мере распространения, однако, все более выяснялось, что прививка натуральной оспы не всегда проходила благополучно, бывали и случаи смерти. Кроме того, вместо изолирования оспенного больного (как теперь всюду принято), привитые, оставаясь без надзора, распространяли заразу и становились очагами новых заболеваний. В общей массе при усердном применении инокуляции число больных оспой увеличилось, а с ним и число смертных случаев, что и подтвердилось позднейшей статистикой

⁴ А. Kussmaul «Zwanzig Briefe über Pocken» 1870, стр. 23.

смертности: из данных, представленных английскому парламенту (врачами Lettsom, Gilbert и Heberden) видно, что в Лондоне за 50 лет (1650–1700), когда не было инокуляции, на 1000 умерших вообще приходилось умерших от оспы 56, между тем как с 1751 по 1800 год в Лондоне на 1000 приходилось умерших от оспы 96. В сорокалетний период (после введения инокуляции) умерло от оспы в одном Лондоне на 24 549 человек более, чем за предшествующее сорокалетие (Рейтц «Критический взгляд на оспопрививание», 1873 г. стр. 66). В Швеции в 1779 году, в самое цветущее время инокуляции, умерло от оспы 7200 на 1 000 000 населения – самая большая смертность, бывшая в ней когда-либо от оспы (см. диаграмму смертности в Швеции в упомянутом сочинении Куссмауля). Англия в этом деле наиболее передовая и наиболее консервативная страна: от нее вышла инокуляция и в ней же впервые возникла и новая дженнеровская прививка; несмотря на это, однако, старая предохранительная мера (инокуляция), признанная уже вредной, запрещена была в ней законом позднее, чем во всех других государствах, в 1840 году; в Пруссии она запрещена была в 1835, в России в 1805, в Австрии в 1803, в Италии в 1802 году...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.